

На правах рукописи

Ромахина Елена Геннадьевна

**АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ ЕДИНИЧНОГО
В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ**

09.00.01 – онтология и теория познания

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Томск – 2005

Работа выполнена на кафедре онтологии, теории познания и социальной философии Томского государственного университета

Научный руководитель:

доктор философских наук, профессор
Сыров Василий Николаевич

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор
Колодий Наталья Андреевна
кандидат философских наук, доцент
Свистунов Валерий Александрович

Ведущая организация:

Государственное научное учреждение
Институт развития образовательных систем РАО

Защита диссертации состоится 22 ноября 2005 г. 11 часов 00 минут на заседании диссертационного совета Д 212.267.01 при Томском государственном университете по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина 36, ТГУ, ауд. 306 (4 корп.).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке
Томского государственного университета

Автореферат разослан 21 октября 2005 г.

Ученый секретарь

Диссертационного совета Д212.267.01

О.Г. Мазаева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Для философии второй половины 20 века характерна рефлексия о собственных границах. Одним из ключевых вопросов в этом направлении является фундаментальность и общезначимость теоретических построений. С точки зрения преувеличения роли феноменологического метода критикуются Хайдеггер и Гуссерль, под сомнение ставятся универалистские интенции герменевтики, формируется новый взгляд на природу научной объективности. Ряд философов, К.-О. Апель, К. Хюбнер, П. Рикёр, и др., выстраивают свою критику, ставя задачу преодоления противопоставленности объективирующего теоретизирования и донаучной субъективности. Однако часто попытка подобной критики выводит философию на новый круг универсальной трансцендентальной интерпретации. Место универсальной структуры может занимать социум, язык, коммуникативность, нарратив. В результате, несмотря на внимание современной философии к определяющим сознание и разум контекстам, теоретический дискурс тяготеет к сохранению и производству единой методологической стратегии. Поэтому вторым значительным вопросом в философской саморефлексии остается вопрос о границах теоретического или рационального познания.

Проблема рациональности может ставиться в нескольких аспектах. В частности, П.С. Гуревич выделяет отношение к рациональности как к методу познания действительности, основанному на разуме. В этом смысле рациональное противостоит иррационализму и сенсуализму. Во втором смысле рациональность может трактоваться как структура, построенная в соответствии с собственными внутренними законами и особенностями: «Речь идет уже о специфической упорядоченности, присущей различным формам духовной деятельности, в том числе и не только научной. Эта особая "организованность", "логичность" противостоит уже бесструктурности, хаотичности, принципиальной "невыразимости"»¹. За пределы подобного понимания рациональности выносятся опыт, который не поддается традиционным формам упорядочивания и классификации. Кроме того, к рациональности можно относиться как к атрибуту цивилизации. В таком понимании рациональность проявляется в идеях прогресса, просвещения, осмысления и освоения мира. В трех выделенных подходах она противопоставляется прочим формам отношения к миру в силу универсальности опыта понимания и осмысления. Ценность этого опыта долгое время была определяющей для философии.

К настоящему времени опыт философствования позволяет поставить и заострить вопрос о том, оправданно ли использование универсализирующих структур теоретизирования и является ли это неизбежным в границах философского опыта, актуализировав тем самым проблему значимости единичного. Более того, деконструкция онтологической целостности и автономизация дискурсивных полей позволяет говорить о единичном средствами его собственного уникального опыта. Поэтому вопрос о единичном в философии - это, по большому счету, вопрос о перспективе философского знания: является ли философия частью живого культурного пространства или, принадлежа целиком метадискурсивным технологиям, будет выполнять лишь музеологическую функцию. Возможность корректно сформулировать проблему единичного на новом онтологическом и методологическом уровне является лакмусом в ответе на поставленный вопрос, поскольку именно механизм деконструкции универсальных программ и переход к различным единицам опыта позволяет рассмотреть то или иное событие мысли, культуры, политики автономно, в контексте дискурса, произведенного самим этим событием.

На XVI, XVII и XVIII Всемирных философских конгрессах был поставлен вопрос о поиске новой рациональности. Такие философы, как В. Коши, Ж. Гранже, а также ряд других исследователей, видят проблему в господстве унифицированной универсальной модели познания, которая чревата абстрактностью фундаментальных онтологических, гносеологических, этических построений, что приводит к обесцениванию самих событий познавательного опыта. С их точки зрения, единичное может войти в рационалистический дискурс, только претерпев существенную редукцию своей изменчивости и событийности. В результате познавательный акт осуществляется не с помощью, а для создания и поддержания идеальных структур всякого опыта.

Данная интеллектуальная и мировоззренческая ситуация порождает соответствующую проблему, суть которой состоит в поиске возможностей актуализировать дискурсы единичного внутри философского познания. Проблемность заключается в том, что попытка осмысления уникального опыта, рационализация единичного приводит исследователя к универсализирующим методологическим приемам. Иными словами, академическая модель философствования не предусматривает особого языка или методологии для единичностей, актуализируемых в их

¹ Гуревич П.С. Поиск новой рациональности (по материалам трех всемирных конгрессов) // Рациональность как предмет философского исследования. М., 1995. С 174.

специфике. Отказ от унифицирующего дискурса был предпринят в философии для таких структур, как техника (В. Коши), безумие (М. Фуко), опыт тела (Ж.-Л. Нанси), желание (Ж. Делёз). Однако эти сферы философского творчества продолжают восприниматься как маргинальные наряду с объектами и формами традиционного рационалистического дискурса.

Тем самым представляется необходимым и продуктивным отказ от единой познавательной стратегии вне зависимости от большей или меньшей специфичности дискурса, поскольку актуализация любого опыта с помощью рационалистического дискурса может быть только репрезентацией, соответствующей представлению о языке как о средстве выражения и превращающей всякий уникальный опыт в скрытый референт, раскрываемый через унифицирующее поле смыслов, уже наличествующих в культуре. Поэтому логично предположить, что поиск философской стратегии, позволяющей актуализировать единичные дискурсы в автономном варианте, способствует расширению границ философского опыта, возможности и правомерности включения в него событий, инициирующих мысль в направлении свободного творческого поиска.

Степень разработанности проблемы

В истории философии проблема единичного не является новой. Любые разновидности рационализма в традиционном осмыслении постулируют историю и философию как историю здравого смысла, разумности, идентичной всему человечеству: «Здесь возникает различие между единичным, понимаемым как отдельный случай или пример всеобщего, и единичным, понимаемым в своей особенности. Данное различие есть различие как таковое, оно есть "бытие чувственного": оно действительно располагается между понятием (человек) и интуицией (Сократ)»². В поле традиционной онтологии единичное может пониматься лишь на основе отношения "отличия-от". В общей системе – это элемент, обладающий специфическими чертами. Единичное в традиционном смысле – признак предмета, находящийся в отношении несходства к признакам всех предметов определенного, фиксированного класса. Выражая неповторимые черты и свойства предмета, предмет моего исследования существует лишь в отдельном, которое представляет собой диалектическое единство единичного и общего. Поэтому отношение единичности как «отличности-от» оказывается неприемлемым в силу примыкающих определений иерархии, системности, рядоположенности, поскольку в итоге имеется в виду сравнительная или унифицирующая позиция единичного, что очерчивается властным дискурсом иерархии сущего: «Единое – ум – душа – материя». Тем самым, когда все сущее включено в дискурс Единого, правила анализа единичного заключаются в интерпретации черт специфичности того или иного дискурса в сравнении с общей иерархией.

Отказ от традиционной онто-гносеологической проблематики обычно относится к философствованию Ф. Ницше и А. Шопенгауэра, З. Фрейда и К. Маркса. Более того, через сочинения Ницше, Фрейда и Маркса в сферу теоретической деятельности проникает другое дерзкое новшество - идея о том, что субъективность не совпадает с сознанием, и последнее не может быть инстанцией свидетельства об истине, следовательно, нет всеобщего способа открытия истины, как нет и единой истины, Бог мёртв, а всякий элемент бытия ускользает в потоке вечного возвращения.

Своеобразным образом единичное актуализируется в экзистенциализме и персонализме. Смена антропологического видения с сущностного на само существование позволила представить человеческий опыт как неоднородный, зависимый от повседневности, социальности и т.д. Кроме того, экзистенциализм открыл философию индивидуальным стилям, что оказалось существенным завоеванием для поиска методов дискурса единичного.

В качестве следующего этапа актуализации проблемы единичного можно обозначить структурализм. Здесь уникальность и различие являются доминирующими пост-онтологическими основаниями антропологического, эстетического, культурного пространства. На этом новом этапе развития философского знания можно говорить о пересмотре границ рациональности в пользу дискурса единичного. Структурализм на основании семиотических исследований выдвигает теорию текстуальности, в которой всякий элемент в системе может рассматриваться как самостоятельная единица, определяемая контекстом. Структурализм стремится освободить анализ текста (литературная критика Поля де Мана, А. Греймаса), антропологический анализ (системы родства у К. Леви-Стросса), анализ культуры в целом или отдельных систем внутри культуры («Система моды» Р. Барта) от приписываемого им метафизического внутреннего содержания. Работа структурного анализа основывается на анализе структуры знака Ф. де Соссюра. В итоге структуралистское понимание знака становится функциональным ядром в философской критике. Критикой традиционной знаковой теории в структурализме преодолеваются многие метафизические предпосылки в организации унифицирующей системы познания, но и сам структурализм оказывается на грани построения новой тотальной онтологии, поскольку утверждает фундирующие дискурсивное многообразие структуры.

² Декомб В. Современная французская философия. М., 2000. С. 152

Следующий принципиальный шаг в отказе от традиционных представлений об уникальном, единичном, сингулярном совершает постструктурализм. Новое значение, приобретенное единичным в структурализме, окончательно преобразует его в самостоятельный элемент или «тело», «номаду», «событие», «сингулярность», «след». В качестве теоретического ядра постструктурализма можно рассматривать французскую школу, представителями которой являются Ж.-Л. Нанси, Ж. Бодрийяр, Ю. Кристева, М. Гайо. Кроме того, историко-философская база диссертационного исследования во многом ориентирована на работы У. Эко, Ю. Хабермаса, В. Декомба, а работы таких теоретиков постструктурализма как Ж. Деррида, Р. Барта, М. Фуко, стали методологической основой диссертационного исследования. Среди теоретиков проблемы единичного, в первую очередь можно говорить об исследованиях Ж. Делёза, Ф. Гваттари, Ю. Кристевой, Ж.-Л. Нанси.

Собственно практика дискурса единичного принадлежит недостаточно концептуализированной в философской традиции фигуре Ж. Батая. В феминистской традиции, примкнувшей к разработке новой субъективности на основании выработки новых онтологических, гносеологических и антропологических исследований серьезный теоретический материал представлен американскими исследовательницами в области гендерной проблематики Р. Брайдотти и Л. Ирегарей. Постструктурализм на российской почве представлен теоретическими исследованиями: Н. Автономовой, М. Рыклина, Фокина, С. Зенкина, В. Подороги, Н.Б. Маньковской, И. Ильина. Хотя собственно практика индивидуализирующего письма, сама практика письма единичного не получила широкого хождения в философской среде, но скорее привилась в литературной и арт-критике. В контексте творческого осмысления философии события можно отметить работы М. Эпштейна, Б. Гройса, В.В. Савчука, А. Секацкого, Н. Савченковой. У данных авторов единичное, событие, сингулярность становятся концептуальным базисом их исследовательской деятельности.

В критической литературе особо следует отметить попытки объединить имеющиеся позиции. Многие критические исследования проникнуты негативным пафосом в отношении «путаности» концептуального аппарата, рассматривающего единичное (например, в работах А. Sokal`а и Zh. Brikmon`а может их перевести с инициалами). Но часто попытки такого рода ведут к гомогенизации различий этих дискурсивных моделей (например «Философский дискурс о модерне» Ю. Хабермаса). В целом имеющиеся работы в постструктуралистской традиции можно разделить на чистую практику и критический анализ этого письма. При этом консолидация и конкретизация приемов письма единичного до сих пор отсутствует.

Поэтому следует отметить, что работы философов обеспечивают лишь общекультурный контекст для обсуждения темы данного диссертационного исследования и предоставляют общую теоретико-методологическую базу, чем указывают конкретное направление, в котором можно было бы искать варианты отхода от универсализирующей дискурсивности в философии. Данная исследовательская ситуация свидетельствует о необходимости и актуальности проведения специального философско-методологического изучения темы места единичного в современном философском дискурсе.

Цель и задачи исследования

Основной целью этого диссертационного исследования является прояснение таких условий и способов актуализации единичного в современном философском дискурсе, которые обеспечивают сохранение самой единичности.

Реализации этой цели соответствует решение следующих задач:

- Описать основные черты традиционного философского дискурса, связанного традицией, языком и методом, и показать, что они приводят к метафизичности познавательной модели, то есть анализу персонального опыта, социального явления, литературного текста через фундирующую иерархизированную онто-гносеологическую структуру. Задачей является показать, что подобная структурация на уровне гносеологической программы привела метафизику в состояние кризиса, поскольку изолировала философию от живого событийного опыта.
- Осуществить реконструкцию основных и специфических черт культурфилософской парадигмы, обеспечивающей новые перспективы осмысления единичного. Здесь принципиальным является структуралистский проект, рассматриваемый как переходный от метафизики к философии единичного.
- Прояснить методологическую и концептуальную базу, призванную открыть новые направления осмысления единичного, в частности, посредством анализа внутренних постструктуралистских концептов, направленных на критику центрирующих дискурсов: логоцентризма, европоцентризма, фоноцентризма.
- Показать, что выдвинутые в постструктурализме концептуально-методологические приемы (различание, обойденное означивание, дискурсивная трата, исследование гетерогенных систем) способствуют творческому видению задач философии тем, что позволяют автономизировать (разъединить) дискурсы в соответствии с

релевантными им требованиями к методам и средствам их собственного производства и определить на этой основе основные формы рассмотрения единичного.

Научная новизна и положения, выносимые на защиту

Опыт философии и культуры XX века показывает, что уникальность, единичность следует рассматривать как принципиальные черты человеческого бытия. Но для осмысления самой возможности единичного, автономного дискурса в культуре требуется теоретическая модель, эксплицирующая условия и возможности индивидуализирующих механизмов познания.

- На основании анализа работ ведущих представителей постструктурализма, показано, что дискурс единичного принципиально проблематичен в границах традиционных форм философской рациональности, но методы постструктурализма, такие как различение, обойденное означивание и практика автодискурсивности, а также разработка гетерогенных систем, позволяют обеспечить оптимальную стратегию актуализации единичного.
- В исследовании выявлена основная специфика дискурса единичного – событийность, которая представлена семантической множественностью и противостоит классификации события средствами традиции, метода и языка, которые являются условиями смыслообразования. Событийный дискурс является не смыслообразующим, но различающим, то есть превосходящим наличный смысл в пользу творческого письма, ориентированного не на репрезентацию предполагаемой сущности события, но на производство самого события.
- В ходе разработки гетерогенных систем показано, что они являются оптимальной стратегией актуализации единичного, поскольку современные стратегии философского письма, следующие методологическим приемам различания, обойденного означивания, смысловой трансгрессии, использующие индивидуализирующие стилистические приемы, максимально приближают его к письму единичного.
- Показано, что актуализировать дискурс единичного и сделать тем самым философию не репрезентацией, а событием, может не столько академический философ, сколько творец самого единичного, поскольку способ индивидуализации через дискурс превращает философию в форму, сходную с формой художественного творчества. Благодаря этому становится возможным определить линии сближения философии и синтетических видов искусств, развивающихся с середины XX века. Последний вывод является принципиальным для всего исследования, поскольку реанимирует философскую традицию, возвращая ей новизну уникального опыта.

Философско-методологическая база исследования

В основу диссертационного исследования положена методология такого философского и общекультурного направления, как постструктурализм. Основными чертами данной методологии следует считать критическое отношение к диалектическим, метафизическим системам познания, экспликация их симультанных оснований и попытка на основании различения автономизировать материал исследования от методов рассмотрения. В данном исследовании отдается предпочтение в первую очередь таким постструктуралистским подходам, как деконструкция, обойденное означивание, различение. Эти методы способствуют переводу иерархических систем метафизики в пространство гетерогенных систем, чем помогают актуализировать единичности.

В философии постструктурализма можно видеть тенденцию, составляющую основу направления, в русле которого в конце 1950-х годов работают Р. Барт, Ю. Кристева, Ж. Деррида, Ж. Делёз, Ф. Гваттари и другие. Это направление – противостояние господствующему в европейской истории принципу идеологической репродукции. Сущностью производства идеологий является взгляд на язык и культуру как на разумно урегулированный, хотя и допускающий определенную степень свободы, интегрированный и упорядоченный феномен. Осмысление этого феномена в философии связывается с доминированием того или иного властного дискурса: разума, субъекта, единой истории. Но философия творческая уходит от всякой претензии на завершение и тотальность в осмыслении мира, поскольку считает, что всякая претензия на доминирование - есть насилие, нивелирование красоты событийного многообразия.

Как заметил Фуко, всякая философия начинается с попытки низвергнуть платонизм. В соответствии с этим тезисом выбран основной метод работы, суть которого можно обозначить термином «деконструкция». При этом деконструкция дополняется совокупностью процедур, обеспечивающих реконструкцию дискурса единичного. Метод аналогии и контекстуальный анализ позволили провести корреляцию между мыслительными структурами, эксплицирующими единичное, и культурными механизмами которые продуцируют это единичное.

Научно-практическая ценность основных положений диссертации

Теоретическую значимость исследования можно связать с тем интеллектуальным поворотом, который имеет место с середины 20 века и связан с методологически концептуальной стагнацией, возникшей вследствие перехода от моноидеологического интеллектуального пространства к релятивизации понятий «истина», «смысл», «история». Данное исследование позволяет рассматривать отдельные стороны социальной, политической, культурной действительности с точки зрения их собственной организации. Возможность говорить об опыте средствами самого опыта является, на мой взгляд, способом преодоления рационалистического коллапса внутри философии. Соответственно, эта работа открывает горизонты для актуализации роли философа в современном мире и в перспективе позволяет наполнить философское творчество новыми приемами. Кроме того, это исследование обеспечивает контекст для более детальной разработки событийного дискурса в философских программах Ж. Делёза и Ж. Батая.

Если принять во внимание внутрифилософские проблемы, связанные с пересмотром границ и методов познания в XX веке, то предложенное исследование отличается скорее философской апологетикой. Подчеркивается, что современная философия может быть не только историей философии и перечитыванием традиции, но при внимании к новым дискурсивным возможностям открывает новые мировоззренческие и познавательные горизонты. Это исследование направлено на опровержение тезиса о смерти философии, в пользу актуализации творческой философии. Кроме того, результаты данного диссертационного исследования могут рассматриваться как теоретическая платформа для рефлексивной критики в области новых форм синтетического творчества.

Положения и выводы диссертации могут быть использованы как в подготовке и чтении учебных курсов, посвященных современной постановке проблемы рациональности, проблемам толерантности, так и в разработке практических мероприятий (концептуальных перформансов, тренингов).

Апробация работы

Основные тезисы диссертационного исследования были представлены на научно-теоретических семинарах и конференциях, по результатам которых был опубликован ряд статей. Роль знаковой теории и ее связь с философией события была обсуждена на научной конференции в Новосибирске и представлена в сборнике статей всероссийской гуманитарной конференции 2004 года «Бытие и язык» (тема доклада и статьи: «Трансформация понимания знака в современной текстуальной парадигме»). Проблема связи событийности и конструирования субъективности рассмотрена в сборнике «Актуальные проблемы социальных наук», по итогам региональной конференции 2003 года (тема доклада и статьи: «Мысль-событие, возможности актуализации»). Попытка актуализировать проблему единичного в широком культурном пространстве была представлена докладом «Культурные стратегии, возможности их инверсии» на международной научной конференции «Ломоносов 2002», по итогам конференции издательством МГУ был выпущен сборник статей. Кроме того в сборниках по итогам региональных научных конференций был опубликован ряд статей, посвященных проблемам современной культуры, взаимодействия философии и искусства, формированию концептов современным философским дискурсом: «Ирония как репликация действительности», «Парадоксы современной культуры в продуцировании дефиниций», «Скольжение за cogito», «Тематизация проблемы денотации в культуре», «Новационность репрезентативных моделей в театральном искусстве».

Структура работы

Структура диссертации построена в соответствии с основной идеей исследования и последовательностью решения задач, необходимых для ее реализации. Диссертация состоит из двух глав, каждая из которых содержит по три параграфа, введения, заключения, списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается тема исследования, формулируется проблема, задаются горизонты работы: цель и задачи. Наряду с рассмотрением контекста проблематики, обосновывается методологическая база исследования, анализируется степень разработанности проблемы, определяются положения, выносимые на защиту и новизна исследования.

Первая глава «Культура и философия: переход от Единого к единичному» состоит из трех параграфов и посвящена реконструкции культурфилософской парадигмы в которой актуализируется единичное. Содержание главы представляет собой анализ процесса перехода от универсализирующих дискурсивных практик к практике различий суверенных дискурсов, что является не только достоянием теоретического философствования, но и проявлением характера культурной ситуации XX века.

В первом параграфе эксплицируются предпосылки рассмотрения единичного как проблемного в европейской философии, поскольку для интерпретации тех или иных периодов в истории человечества всегда существовала «общая картина», задававшая единство интерпретации всего культурного пространства. Поздний модерн, все еще наполненный отголосками просвещения, оказался по ряду причин завершением эпохи «Великих рассказов». В результате представление о культуре как едином пространстве общезначимых смыслов сменилось культурой постмодерна, характеризующейся фрагментарностью и релятивизацией истории, смысла, знания. Неоднозначность явлений этой эпохи вызвала широкий резонанс в гуманитарных науках. В параграфе отражена неоднородность в интерпретации культурной ситуации, связанная с осмыслением явлений современности. Философия XX века неоднозначно реагирует на тенденции современной культуры, экономическую и политическую ситуацию. Но некоторые философские школы, о которых в работе идет речь (структурализм и постструктурализм), принимают общекультурные тенденции отказа от смысловой унификации культурного пространства, исторической целостности и попыток увязать представление о мире, человеке в единое рационалистическое Знание.

Современная философия основывается на критике ряда положений, долгое время определявших философскую мысль и понимание социальных и культурных процессов. Прежде всего, это европоцентризм, а соответственно отказ рассматривать другие культуры составной частью общемировой истории, будь то архаичные культуры или «восточные» цивилизации. Это логоцентризм, который критикуется за непринятие во внимание многочисленных форм «иной» коммуникации, маргинализацию письма, тотальность рационалистического дискурса. Критика субъектоцентризма позволяет по-новому актуализировать антропологическую проблематику. Во всех случаях философское мышление принимает отсутствие унифицирующего осмысления культурного пространства, что позволяет от *единого* культурного процесса перейти к исследованию составляющих его дискурсов во всей их уникальности и *единичности*. Соответственно в первом параграфе рассматриваются различные подходы к специфике эпохи, называемой постмодернизмом. Акцент делается на отсутствие превалирующей идеологической или мировоззренческой базы, что подталкивает к необходимости пересмотра методов исследования общества и культуры с точки зрения многообразия и неоднозначности происходящих событий.

Во втором параграфе рассматривается теоретическая ситуация, которая приобрела специфические черты, связанные с попыткой сменить универсализирующие системы познания на открытые индивидуальному, единичному опыту. В параграфе анализируется познавательный проект экзистенциализма, во многом способствовавший индивидуации философского метода и осмыслению многообразия факторов (социального, культурного, этического и др.) дестабилизирующих унифицирующую картину мира. Но вследствие невозможности преодолеть субъективистские тенденции, проблема единичного в экзистенциализме осталась скорее на уровне декларации и стиля, тогда как базовые экзистенциалы приобрели черты всеобщности и неизбежности в отношении ко всякому существованию.

В качестве существенного методологического продвижения в постановке и обсуждении проблемы единичного приводится познавательный проект структурализма, который способствует деконструкции ряда метафизических оснований и делает возможным рассмотрение дискурса единичного в его специфике. При этом сам структурализм оказывается последним проектом метафизики, поскольку предлагает вместо истории смысла, тотальности разума, трансцендентальную структуру, заложником которой оказывается единичное. Но предпринятые пришедшим к нему на смену постструктурализмом методологические шаги, позволяют от обобщенной идеи структуры перейти к действительным дискурсивным различиям.

Поиск новой методологии, которая позволила бы исследовать «предсубстанциальные» уровни складывания культуры, приводит философию к тесному сотрудничеству с лингвистикой и параллельно развивающейся семиотикой. Важность структурализма состоит, прежде всего, в новом понимании знака, в возможности обратить философскую проблематику не к предполагаемым внешним смыслам человеческой культуры, которые всегда оказываются не подлежащими экспликации, трансцендентальными, но, напротив, к внутренним механизмам ее формирования. Структуралистская методология направлена на деконструкцию представлений об «автономном субъекте», той или иной форме культурного универсализма, любом завершеном социальном действии. Всякое самосознание предполагает действие сложных механизмов множества процессов, которые касаются работы бессознательного, общей экономии, духовного производства, властных отношений. В результате всякая работа с

определением того или иного дискурса оказывается не сводимой к его стабилизации вне контекста, в частности работа с текстом и понимание текста меняется с интерпретации, поиска уже данного смысла на перечитывание и картографию, то есть индивидуальное прочтение смыслового ряда через призму того или иного культурного кода или контекста.

Как показано во втором параграфе, методы структурализма оказали решающее влияние на переход от унитарных систем, к которым сводились существующие дискурсивные различия, к сложным механизмам внутрикультурного взаимодействия. Однако попытка создания наукообразного дискурса и преобладавший в структурализме лингвоцентризм не позволили перейти к дискурсу единичного, будь то телесность, безумие, опыт измененного состояния сознания. Хотя при этом стоит отметить, что постструктурализм во многом ориентируется на опыт структуралистских исследований, дополнивших сферу исследовательского интереса многими «запретными» для европейской философии темами: болезнь, заключение, гомосексуальность, архаичность и т.д. Внимание к любой дискурсивной фигуре как к другой, дополнительной, а не маргинальной, позволило тем самым раскрыть новые возможности в философии.

Следующим этапом критики и использования структуралистского багажа является постструктурализм. Именно эта исследовательская модель создала благоприятный базис для актуализации единичного в практике философии.

В третьем параграфе рассматривается центральный методологический ход постструктурализма – различие. В параграфе эксплицируется смысл различия и специфика концептуального аппарата постструктурализма. Показано, что различие присутствует на всех теоретических уровнях от литературной критики Поля де Мана, семантически-семиотического контекста Ю. Кристевой, эстетико-семиотического контекста Р. Барта, онтически-онтологических оснований Ж. Деррида до трансцендентальной позиции различия в «трансцендентальном эмпиризме» Ж. Делеза.

Поиски новых методологических возможностей привели постструктурализм к попытке снять бинарные оппозиции, характеризующие всякую целостную метафизическую систему знания, в результате чего само различие явилось определяющим механизмом для работы того или иного дискурса. Но кроме методологической и понятийной стратегии важной оказывается новое осмысление бинарной структуры самого знака. Акцентированное в структурализме различие означаемого и означающего переосмыслено как новая «ловушка метафизики», возвращающая идею средневековой дуальности души и тела. Возможность самоданности мысли сознанию, следовательно, новый регресс к целостной репрезентативной картине «сознание – разум – мир», сводит дискурс единичного от «различАния» как базовой гносеологической предпосылки к набору отличий в общем контексте репрезентативности, где всегда сохраняется знак и смысл.

В результате критики бинарного понимания знака означаемое становится свободным элементом письма, что снимает необходимость трансцендентального означаемого. Письмо, и философское письмо в частности, предстает пространством перестановки и игры означающих, каждое из которых оказывается отсылкой к ряду или серии других означающих. В результате культурное пространство трансформируется из лабиринта с множеством подходов к центру в гетерогенную систему бесконечного числа возможных отношений. Постструктурализм аккумулирует возможности постоянного становления и разворачивания новых пространств философского письма в горизонте различных дискурсивных практик (искусства, повседневной речи, художественного письма). Освоение этой гетерогенности и постановка проблемы единичного в новом философском пространстве – задача следующей главы.

Вторая глава «Проблематичность дискурса единичного, обойденное означивание» содержит три параграфа и посвящена анализу непосредственных условий, при которых дискурс единичного становится возможным. В первой главе мы наметили основную познавательную стратегию, направленную на актуализацию единичного в философском письме. Полем этой актуализации являются исследуемые в постструктурализме гетерогенные системы. Во многом понимание гетерогенности связано с постструктуралистской интерпретацией знака, что позволяет рассматривать письмо как неоднородную систему множественных связей между неустойчивыми элементами. В данной главе была рассмотрена серия концептов, актуализирующих гетерогенные системы в различных контекстах, наиболее показательным из которых является «ризом».

В первом параграфе рассматриваются различные способы концептуализации гетерогенности в философии. Постструктурализм использует гетерогенные системы как программные для основных концепций: текста, тела, коммуникаций, структуриаций, организации нарратива. Делёзовское понятие «ризом», заимствованное из ботаники, фиксирует принципиально внеструктурный и нелинейный способ организации пространства опыта, не замкнутого в завершенности системы, но открытого для динамичного самоконфигурирования. Переход от универсальных оснований, будь то категория бытия, сознания, разума или единого к множественности различий в их связях, взаимодействии и постоянном смещении и трансформации является необходимым условием дискурса единичного -

такое следствие анализа ризоморфных целостностей. Кроме того, отказ от стабильности языковой структуры, свойственной структуралистским представлениям, в пользу частных дискурсов, сочетание которых в одном месте (например, в одном концепте), создает прецедент семиотической интенсивности текста, по сути возвращает философии ее первоначальные функции живого познавательного опыта.

Гетерогенные системы могут рассматриваться с точки зрения релятивистского философствования, но интерпретируемый в категориях силы и интенсивности дискурс единичного оказывается утверждающим. Ризоморфное пространство действительно отражает методологическое движение постструктурализма к релятивизму, утверждению множественности, хотя последовательный релятивизм так или иначе приводит к принципу абсолютизации относительности, что в свою очередь не ускользает от теоретиков постструктурализма. Релятивизм, предлагаемый в варианте постструктурализма, - утверждающий, поскольку при пересечении максимального количества контекстов интенсивность текста преодолевает собственную относительность в силу утверждения единичного. Иными словами, единичное, расположенное в поле безличного (предсубъективного становления), с одной стороны, вступает в отношения с множественностью гетерогенных систем, но с другой стороны, преодолевает эту множественность в собственной крайней позиции. Подобное индивидуизирующее перечитывание Текста открывает новые горизонты философского письма, где философ-номада организует собственную картографию в концептуальном творчестве. В параграфе показано, что разработка гетерогенных систем становится оптимальной платформой для анализа собственно единичного дискурса.

Второй параграф эксплицирует трудности, связанные с помещением дискурса единичного в философский контекст. Наиболее показательны в этом отношении работы М. Фуко. Переход к гетерогенным системам связан с рядом проблем, центральную из которых можно сформулировать в виде вопроса: возможен ли какой-либо другой дискурс за пределами рационального или все вводимые различия (здоровье – болезнь, безумие – разумение) уже принадлежат истории рациональности, поскольку никакая другая история немислима? Рассматриваемый в работе пример дискурсивного анализа М. Фуко приводит к заключению, что дискурс единичного не возможен в границах смыслообразования, поскольку история смысла неотделима от европейской рациональности. Метод, традиция и язык присваивают себе всякое новое высказывание, как имеющее свой смысл, где «иметь смысл» означает соотнесение всякого знака с метапространством уже наличествующих в культуре горизонтов интерпретации этого знака. В итоге всякий дискурс претендующий на единичность, в границах смыслообразования оказывается репрезентативным, то есть следующим экспликации наличествующих в культуре тех или иных представлений.

Основными консерваторами дискурса единичного можно назвать представление о возможности единого метода познания, традицию и язык. Соответственно, для преодоления трудностей актуализации единичного требуется трансгрессия, предполагающая преодоление самих средств актуализации. Возможность преодоления рационалистической гомогенизации заключена, по мнению Деррида, в риске «ничего-не-желать-сказать». Отказ от репрезентирующей дискурсивности, в свою очередь, связан либо с молчанием, либо с автодискурсивностью, где безумие не вырывается из своего дискурсивного пространства, но вписывается в философский текст как событие, как собственно единичность. Подобный философский проект оказывается единственной возможностью принятия множественности. Но при этом попытка практики такого дискурса оборачивается непринятием его в академическом сообществе, поскольку последнее остается институциональной средой, задающей и легитимирующей критерии философичности.

Отказ от репрезентирующей дискурсивности - единственная актуализирующая единичность стратегия письма. В таком случае писать единичное можно только в обход смысла и представления, то, что Нанси называет «обойденным означиванием». За практикой такого письма закрепился статус трансгрессивного, то есть выходящего за собственные границы философского письма. На мой взгляд, именно с «обойденным означиванием» в философии рождается событийный дискурс, который относится к подлинному философскому творчеству. Показано, что событийный дискурс не вторичен по отношению к некоторому внешнему событию, но сам является внутренним текстуальным событием.

Третий параграф раскрывает саму практику письма единичного на примере работ Ж. Батая. Единичное рассматривается как трата смысла, выход из традиции рационально понимаемого смыслообразования. Писать единичное значит создавать событие дискурса, что может быть продуктом не философии как ремесла, но лишь философии как творчества, дара. На этом основании освобождение единичности из логики смысла, из тотальности рационализма я связываю с концептом траты. Трата возникает в контексте общей экономии Ж. Батая и связана с дестабилизацией производственной системы. Отказ от производства и выгоды смыслового дискурса в пользу суверенности или, в нашем контексте, единичности балансирует на границе смерти, обнажая вечную проблематику философского письма. Вопрос, является ли оправданным свободное философское письмо, вышедшее за пределы,

положенные любыми институализированными инстанциями власти, пока еще не имеет ответа, но именно такая философская стратегия способна воплотить всю сложность и многообразие потока желания, не редуцируя его к какой-либо завершенной идентичности.

Предпринятая в работе попытка раскрепостить философское письмо и высвободить единичность в языке мне видится продуктивной не только как методологический поиск внутри философии, но и на уровне взаимодействия философии и искусства. Философия в этом смысле становится, прежде всего, искусством, будь то производство концептов или искусство жизни. При этом творческая игра желаний на уровне дискурса, без отсылки к полю культурных смыслов, является, на мой взгляд, возможностью не столько философа профессионала, сколько творческим поиском на стыке концептуальности и живого переживания, опыта и желания. Тенденция индивидуализации средств производства дискурса в философии совпадает с образом современного художественного творчества. В. Кулаков, специалист в области современного искусства, отмечает, что для модерна был характерен вопрос о праве художника трансформировать объект до полной неузнаваемости (Малевич, Кандинский, Эрнст...), но теперь «стоит вопрос о праве художника вообще не трогать предмет, не касаться его»³. Сотрудничество философии и искусства видится мне плодотворным именно с точки зрения решения проблемы методологической стагнации, когда к актуальным, новым тенденциям и изменениям в обществе и культуре применяют традиционные унифицирующие средства познания. Искусство в недавно возникших своих формах зачастую своим новаторством представляет гораздо более ёмкие познавательные проекты в острой и актуальной перспективе. Обратившись к синтетическим видам творчества (перформансы, инсталляции, формы современного театра), философия попадает в сферу производства теоретического опыта, где интерпретация сменяется производством события. Подобный опыт уже довольно широко практикуется художественной общественностью, как показала Московская бьеннале – проверить написание современного искусства 2005 года. Сближение философии и искусства в области осмысления гендерной проблематики, проблемы самоидентификации и другие актуальные вопросы ставится художниками на высоком теоретическом уровне. Следующий шаг за философией, новые формы теоретизирования которой могут создавать прецедент, событие.

Условия, при которых актуализация дискурсов единичного стала возможной, имеют прямое отношение к самоопределению современной нам эпохи, названной по сложившейся традиции постмодернизмом. Если принять во внимание внутрифилософские проблемы, связанные с пересмотром границ и методов познания в XX веке, то предложенное исследование отличается скорее философской апологетикой. Это означает, что современная философия может быть не только историей философии и перечитыванием традиции, но при внимании к единичным дискурсивным возможностям открывает новые мировоззренческие и познавательные горизонты. Тем самым данное исследование опровергает тезис о смерти философии в пользу возрождения творческой философской мысли.

В заключении подводятся итоги работы. Учитывая сделанные выводы, в качестве перспективы дальнейшей разработки данной тематики я вижу, прежде всего, необходимость более тщательной реконструкции дискурсов единичного у отдельных представителей индивидуизирующего письма, в частности более фундаментальной разработки требуют приемы Ж. Батая, Ж. Делёза.

³ Кулаков В. О пользе практики для теории.// <http://aptechka.agava.ru/statyi/knigi/kulakov>

Список имеющихся научных публикаций:

- 1)Ромахина Е.Г. Скольжение за cogito // Труды всероссийского философского семинара молодых ученых им. П.В. Копнина (сессия 1). Томск: Томский государственный университет. 2002. С. 207-209.
- 2)Ромахина Е.Г. Парадоксы современной культуры в продуцировании дефиниций // Дефиниции культуры: Сб. трудов участников Всероссийского семинара молодых ученых. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2001. – Вып.5. С. 299-302.
- 3)Ромахина Е.Г. Мысль-событие, возможности актуализации // Актуальные проблемы социальных наук: Материалы IV региональной межвузовской конференции молодых ученых. Томск: Том. Ун-т, 2003. С. 70-74.
- 4)Ромахина Е.Г. Ирония как репликация действительности // Материалы V региональной конференции студентов и молодых ученых. Томск: Изд-во Томского гос. педагогического университета, 2001. С. 85-88.
- 5)Ромахина Е.Г. Культурные стратегии, возможности их инверсии // Материалы международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Выпуск 8. – М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 401-403.
- 6)Ромахина Е.Г. Трансформация понимания знака в современной текстуальной парадигме. // Сборник статей «Бытие и язык» составлен на материалах международной конференции. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2004. С. 39-43.
- 7)Ромахина Е.Г. Тематизация проблемы денотации в культуре. <http://www.philosophy.ru>
- 8)Ромахина Е.Г. Новационность репрезентативных моделей в театральном искусстве. // Культура и коммуникации: глобальные и локальные измерения. / Под. Общ. Ред. докт. филос. наук . – Томск: ид-во НТЛ, 2004. – 400 с. (серия «Монографии»; вып. 7). С. 359-364